

ГЛАВА 7

ВОЗВРАЩЕНИЕ, КОТОРОМУ НИКТО НЕ РАД

Из столицы пришло срочное сообщение. В центре плотного бледно-розового почтового бланка была аккуратно проштампована красная сургучная печать. А на ней красовался герб императорской семьи. Точно такой же узор, как на туфлях принца. Стоило только вспомнить о нем, как по телу пробежала дрожь.

— Думаю, можем отправляться, как планировали.

Деон, внимательно прочитав документ, снова сложил листок. Хотя это было первое письмо, которое он получил после того, как лишился статуса и оказался на Севере, на его лице не читалось никакого выражения. Он выглядел так безразлично, словно это была листовка, на которую он наступил на улице, а не письмо с родины.

— Это разрешение? — спросил Витер.

— Вроде того.

Витер взял из рук Деона документ.

По мере чтения его улыбающиеся губы кривились все больше. Лицо сморщилось.

— Разве это не письмо о восстановлении статуса?

Неужели въезд в столицу запрещен?

— Все верно, это письмо о восстановлении статуса, — вяло ответил Витер. — И разрешение на въезд в столицу.

Он бессильно плюхнулся на место и тяжело вздохнул, будто что-то его тревожило.

— Витер, я-то думала, что вы больше всех обрадуетесь, когда герцогу вернут статус, но это оказалось не так.

— Потому что обращение неподобающее, — процедил он, с силой упирая на каждое слово. — Хотя написано, что

статус будет возвращен, никакой торжественной церемонии не проведут. Нужно тихо приехать в столицу и пройти крещение в храме.

Витер крепко сжал бумагу в руке, сильно смяв ее.

— Таким образом они просто исправят документы, и все.

— А вы хотели, чтобы провели торжественную церемонию?

— Не то чтобы хотел... Такие церемонии обычно проводят напоказ, для народа империи. Нет ничего проще, чем сообщить о восстановлении статуса во время грандиозного праздника. Но кто узнает об этом, если мы просто тихо приедем в столицу? Даже среди ее жителей большинство останется в неведении.

Рассерженно фыркнув, Витер грубо кинул документ на стол:

— Здесь написано, что число ненужных показных мероприятий следует сократить из-за состояния здоровья его величества, но так ли это на самом деле? Прием, который совсем недавно проводился по случаю дня рождения императрицы, был не просто роскошным, а даже чрезмерно роскошным. Какой смысл в том, чтобы называться принцем, если с тобой обращаются, как с наемником?

— Витер, побереги силы, — сказал Деон, бесстрастно рассматривавший документы. — В любом случае нашей целью было разрешение на въезд в столицу. И больше ничего. Как они и написали, слишком много церемоний только утомляет.

— Но разве они не должны обращаться с вами подобающим образом? Мы что, попросили о чем-то лишнем? Это то, что причитается вам по праву. Уверен, шум подняли аристократы со стороны второго принца. Среди них много тех, кто проводит церемонии.

— И все же ответ пришел быстрее, чем я ожидал. Можем действовать согласно первоначальному плану. И нет нужды искать другой дом.

— Собираетесь вернуться в свой прежний замок?

Деон кивнул.

— А вот это хорошо. Думаю, ощущения будут новыми. Возможно, там немного грязно, потому что замок долгое время был заброшен... Но, если хорошенько все подмести и почистить, станет неплохо. Да и везде лучше, чем здесь, не так ли? Тут, сколько ни убирай, на следующий день окна снова сковывает инеем, а все вокруг засыпает снегом... — Витер скрипнул зубами.

Я-то думала, что все довольны, ведь никто не жаловался на холод Севера, но, похоже, это оказалось не так.

Жаль. Мне очень хотелось обосноваться где-нибудь на окраине столицы, неподалеку от той знаменитой кондитерской... По словам служанок, там продают такие потрясающие десерты, что даже аристократам приходится ждать, стоя по два часа, чтобы их отведать. Мне было любопытно, каковы на вкус их самые популярные лакомства.

Ну, так тоже хорошо. Одно то, что мы покидаем Север, уже радует. Из комнаты в канцелярию, из канцелярии в кабинет. Похоже, мне предстоит умереть в более теплом месте. Впрочем, где бы это ни случилось, после удара мечом мое тело все равно быстро остынет.

Мне хотелось не туда, где можно осесть надолго, а поближе к развлечениям, чтобы насладиться жизнью за оставшиеся четыре месяца.

— Было бы здорово жить возле кондитерской... — пробормотала я себе под нос.

— Зато в том доме... оранжерея еще больше, чем здесь, — сказал Деон, услышав меня, а затем добавил: —

Но за ней никто не ухаживал, поэтому придется заниматься всем с нуля. Ты сможешь посадить цветы.

Так себе утешение. И зачем он это сказал? Я в любом случае должна оставаться рядом с ним, и для этого не требуется ни объяснений, ни уговоров.

Мне нечего было сказать, поэтому я пристально посмотрела на Деона и произнесла:

— Это... неплохо. Думаю, птице там понравится.

— И тебе тоже, — ответил он.

* * *

Я поставила перед могилами свечу и попыталась зажечь ее. Но из-за ветра огонь плохо разгорался.

— Можешь закрыть меня от ветра?

Сурен заслонила меня собой.

Я разложила перед надгробиями фрукты и сладости. После ужина всю хорошую посуду погрузили в повозку повара. Подходящих тарелок у меня не осталось, поэтому пришлось взять старые, которые собирались выбросить.

Люди, которые, навсегда закрыв глаза, были похоронены в этом холодном месте. Мне было жаль тех, кто остался лежать в заледенелой земле, на которой не растет даже трава.

— Я вас, конечно, послушалась, но что мы делаем здесь в такой поздний час? Мы отправляемся рано утром. Если не ляжете спать сейчас, завтра будете чувствовать себя усталой, — проворчала Сурен.

Я вытащила ее на улицу в одной пижаме, она едва успела набросить накидку и, стоя перед могилами, все время зевала.

— А на что это похоже?

— На обряд изгнания злых сил?

Да уж, должно быть, так оно и выглядит.

— Но разве в нем есть необходимость? Неужели они тревожили ваш сон?

— ...

— Или вы что-то видите? Леди, неужели... Вас до сих пор беспокоят их призраки?

Сурен засучила рукава. Казалось, стоит мне ответить «да», и она тут же раскопает могилы, вытащит и растерзает тела.

Я хмыкнула. Сурен не понимала, что я делаю. В этом мире не было понятий ни о поминальной службе, ни об обрядах, посвященных памяти предков.

— Наоборот. Хочу их угостить. Чтобы они пришли, поели и ушли.

Лицо Сурен побледнело.

— Хотите... позвать сюда призраков?

Теперь цвет ее лица был почти таким же, как цвет ее волос. Белее снега.

— Нет. Просто утешаю их. На прощание.

— Но почему?

— Потому что теперь некому будет за ними присматривать.

— Присматривать? За этими могилами? — Сурен нахмурилась. — А раньше разве кто-то этим занимался? Тут всегда было безлюдно, и только вы регулярно мотались сюда, чтобы что-то спрятать. Слуги расчищали от снега дорогу лишь потому, что вы здесь ходили, а до вас сюда вообще никто не заглядывал.

Как она и сказала, рядом с могилами было невероятно пусто и одиноко.

— Вот поэтому... я и хочу сделать для них что-нибудь. К тому же я ведь тоже должна была здесь лежать. Это что-то вроде проявления эмпатии, — пожала плечами я.

Сурен замотала головой:

— Не говорите таких ужасов. Разве вы похожи на них? Вы чувствуете пустоту в душе из-за того, что на улице стало холоднее, но точно проживете намного дольше этих людей! Не волнуйтесь. Не поддавайтесь плохим мыслям. Теперь, когда мы покидаем Север, оставьте их здесь вместо вещей, которые больше не нужно закапывать. Оставьте и уезжайте.

И Сурен начала подпрыгивать на месте и потряхивать плечами, как будто боялась появления призраков. Это было так мило.

Я сдержанно улыбнулась:

— Хорошо. Спасибо тебе за добрые слова.

Я коснулась надгробия. Могильный камень был старый, за ним не ухаживали, но, оцупывая бороздки, можно было прочесть имя.

Я провела по выбитому на камне имени кончиками пальцев.

Рей Хьюстон.

Мешок с кровью, который пришел на смену предыдущему, когда война, в которой принимал участие Деон, была в самом разгаре.

Судьба была к нему безжалостна. Возможно, ему повезло даже меньше, чем мне. Во время войны герцогу требовалось еще больше крови, и он взял этого юношу с собой даже на поле боя. Рей погиб на чужбине во время атаки врагов, даже не успев ступить на эти земли.

Перси Дункан.

Брошенный детьми нищий старик, которому пришлось скитаться. Он приехал на Север по предложению герцога и прожил очень, очень мало. Хотя причиной смерти значится старость, вряд ли записям герцога можно верить. Должно быть, из-за перенапряжения кончина наступила раньше отведенного срока. Ведь даже для здорового чело-

века регулярно отдавать столько крови — слишком большая нагрузка.

— Может, пора задуть свечу?

Я кивнула.

Но Сурен не успела вдохнуть, подувший с гор ветер потушил огонек свечи.

— Надеюсь, они съедят это и не превратятся в злых духов. И не будут цепляться к вам, леди. Ну а к герцогу... пусть цепляются, — проворчала Сурен.

Забавно. Неужели ее мнение о герцоге так быстро изменилось?

— Разве он тебе не нравится?

Она ответила, собирая разложенную перед надгробиями еду:

— Теперь нет.

Неожиданно.

— Почему?

— Он предложил вам стать даже не настоящими, а фальшивыми влюбленными! К тому же, судя по сложившейся ситуации, вам придется играть любовь еще более страстную, чем у него! Это задевает гордость. Лучше бы он не просил притворяться, а просто сказал, что любит вас. Тогда можно было бы и поддаться, — недовольно буркнула Сурен.

Так дело только в этом?

— Думаешь, если он так скажет, поверю и поддамся?

— Неужели найдется женщина, которая останется равнодушной, если прекрасный герцог шепнет, что любит ее? Пусть разум кричит, что это ложь, но, стоит посмотреть в его глаза, как способность ясно мыслить тут же исчезнет.

Это верно.

Я уже привыкла, поэтому не удивляюсь, как раньше, но лицо герцога по-прежнему кажется мне фантастически

прекрасным. Настолько, что я понимаю, почему Лиони из романа влюбилась с первого взгляда.

Поэтому, возможно, я и сама поверила бы его словам, совсем чуть-чуть.

— Все равно никто не поверит в нашу любовь. Вот и придется сказать, что это я безответно в него влюблена.

— Почему? Леди, вы тоже хороши собой! Если не считать того, что от жизни на Севере, которая совсем вам не подходит, вы похудели, ваша кожа огрубела, а волосы стали ломкими.

Почему-то мне кажется, что именно это определяет красоту человека.

— Как бы там ни было, не забывай держать рот на замке и подыгрывать в нашем спектакле. Ведь слухи, которыми обмениваются служанки в задних комнатах, расходятся намного быстрее, чем разговоры аристократок, которые те ведут за чаем.

— Об этом можете не волноваться, — покорно ответила Сурен.

Она откусила яблоко, которое только что лежало перед надгробием, и захрустела им.

* * *

Слуга закинул в повозку багажную сумку. По лестнице, пошатываясь, спустилась Элизабет.

Мы с ней давно не виделись. Ее руки и ноги опухли. Похоже, теперь ей было трудно даже ходить. Она даже перестала выходить в сад, где раньше часто гуляла.

С каждым выдохом из ее рта поднимался белый пар. Ее лицо казалось безмятежным, но по прерывистым белым облачкам было понятно, что ей трудно дышать.

Элизабет была на последних месяцах беременности. Когда-то я с ужасом наблюдала, как ее живот растет день

ото дня, но со временем привыкла и теперь смогла даже лучезарно ей улыбнуться.

На Севере не было специальной одежды для беременных, поэтому Элизабет просто выбрала накидку побольше, чтобы укутаться как следует. Поскольку большую меховую одежду шили только на мужчин, ей пришлось взять один из комплектов, которые носили солдаты-подростки. Такая одежда нужна была для военных целей, она защищала от холода, но на ней не было даже самой простой вышивки. Вряд ли знатной даме подобало ходить в таком наряде, тем более что накидка была слишком длинной для нее и волочилась по земле даже после того, как ее обрезают и подшили.

Ну, в этом не было ничего удивительного. Сюда редко попадали женщины, которые могли забеременеть, и здесь не было настоящей хранильницы замка. У маркиза, прошлого хозяина, и его супруги было всего двое детей, к тому же один из них родился в других краях.

Выходит, за последнюю сотню лет в этом замке появился на свет всего один ребенок, хотя планировалось, что должно родиться двое.

Элизабет, закутанная в теплый зимний наряд, выглядела еще толще, чем была на самом деле. Каждый раз, когда Элизабет делала шаг, казалось, что она вот-вот упадет. Медленно, ступенька за ступенькой, женщина спускалась вниз. Лестница была покрыта тонким слоем льда. Когда я подошла к ней и поддержала под руку, Элизабет улыбнулась.

— Спасибо, — тихо прошептала она.

— Солдаты здесь недогадливы, верно? И заботиться они не умеют. Беременная женщина спускается по ступенькам, и никто из них головы не повернул! А что, если вы поскользнетесь?

Дочь графа и первая супруга знатного господина, которая носила под сердцем первого наследника другого гра-

фа. Больше нигде она не встретила бы такого обращения. В столице подобное поведение даже вообразить было невозможно.

— Эти солдаты еще не получили официального назначения. Им привычнее на поле битвы, поэтому ничего удивительного, что забота об аристократке им чужда. — Элизабет попыталась оправдать солдат, в ее голосе зазвучало тепло. — Они ведь всегда жили в этом суровом месте. Чем хуже окружающие условия, тем меньше возможности заботиться о других. Может быть, когда они окажутся в теплом месте, их поведение тоже исправится.

— И все же!

— Со мной все в порядке. Я скорее беспокоюсь о том, что в столице вы, Лиони, будете слишком заняты.

— Что? При чем здесь я?

— Именно вы будете учить солдат правильно себя вести с аристократами. Это входит в обязанности дамы герцога. Ах! Он ведь станет принцем после церемонии.

— А...

Разговор оборвался.

Я не хотела, чтобы графиня неправильно меня поняла, но на мне было ожерелье, подаренное Деоном, поэтому я не смогла ничего ответить. Как выглядеть подругой, достаточно близкой, чтобы оставаться рядом с ним, но не мешать при этом будущим брачным предложениям? Изображать беззаботную девушку, способную быстро самоустраниться, оказалось очень сложно.

Снег валил хлопьями.

— Похоже, я вижу этот снег в последний раз.

Слова Элизабет заставили меня посмотреть на небо. Оно было ясным, без единого облачка.

— Я думала, это место станет родиной моего ребенка... и я была полна решимости вырастить его сильным, поэтому даже имя выбрала соответствующее, но вдруг все